

Русский самородок Ян Осин

Ян ПОВИСТ

Толпа зрителей на Домской площади поначалу опешила и насторожилась, когда на праздновании Дней Ганзы в самом сердце Старого города раздался мощный бас неизвестного никому исполнителя, затянувшего русскую народную песню. Голову даю на отсечение — ни один из рижских русских певцов с такой свободой и с такой удалей не смог бы спеть на этом весьма нерусском месте. Увы, сие у нас уже в крови, тут славные латышские националисты своего добились.

А парню, приехавшему на праздник из соседнего Пскова, пелось вольготно — у него эти «святые камни» никакого пиетета не вызывали. Ему нравились отражения солнца в вымытых окнах, голуби на карнизах, огромная толпа зрителей, их восторг, жаркие аплодисменты и крики «браво». При этом он даже не задумывался, а кто там, в толпе. И не подозревал, что латышей в ней было на порядок больше, чем русских.

Латыши народ певческий, и уже от самой колыбели тонко оценивают вокальное искусство. Их мгновенно приводит в восторг тот, кто обладает выдающимся голосом. И им все равно, из какой страны этот певец. Лишь бы, приехав, спел — и непременно уехал...

Ян Осин спел, уехал, а потом еще неоднократно приезжал, каждый раз вновь восхищая и удивляя рижан. Восхищал мощью и чистотой вокала, а удивлял тем, что пел эстраду, народные

песни, романсы, вокальные циклы, мировую оперную классику, пел во время службы в Христорождественском соборе.

...

Ян Осин — самородок. Сам выучился петь, сам освоил нотную грамоту, разучил сложнейшие вокальные партии. На одном из всероссийских конкурсов к Яну после вручения Гран-при одновременно подошли президент Шведской оперы и ректор Московской консерватории и задали один и тот же вопрос: с кем он занимается. Узнав, что ни с кем, не поверили: «Неправда, школа всегда видна». Ян их не стал разубеждать. Не стал приводить и любимое выражение о том, что воробей — это соловей, окончивший консерваторию. И пример с Галиной Вишневской, которой в консерватории чуть не сломали ее прекрасный природный голос.

Правда, теперь, когда Яна пригласили петь в Москву, педагог у него все же будет, но особый. Это Майя Марковна Пушкина (потомок Александра Сергеевича), хорошо известная тем, что не ломает голоса, а «извлекает» их. Делает это терпеливо и вдумчиво. После чего ее ученики блистают в «Метрополитен-Опера» и в «Ла Скала».

А пригласил в Москву Яна бывший рижанин, человек большой музыкальной эрудиции (два консерваторских образования) и огромного педагогического таланта, в свое время вынужденный уехать из Латвии. Это бывший дирижер оркестра Прибалтийского военного округа, а нынче главный военный дирижер Первого образцово-показательного оркестра Министерства обороны РФ Виктор Афанасьев. По уровню музыкальной культуры таких военных оркестров в мире всего пять. Он и известен-то больше в остальном мире, чем в своей стране, где в чести все зарубежное. Хотя и Н. Басков там три года отработал, и Витас пел.

И множество певцов за честь и удачу сочли бы петь с этим выдающимся музыкальным коллективом.

Роднит Яна с Ригой и еще один примечательный факт. Он первый исполнитель вокальной баллады «Молитва», слова и музыку которой написал известный актер Борис Галкин, в прошлом тоже рижанин. Она написана и подарена им другу-рижанину В. Афанасьеву в честь его юбилея. Ян поет песню в концертах так проникновенно, что у зрителей дух перехватывает. А вот в оперный театр он не стремится. Оперу, как музыкальное учреждение, не любит. Не любит, когда осовременивают и модернистски уродуют классику. Не любит оперных склок, толкотню, суету и борьбу с кучей претендентов за право исполнить партию. И на это силы тратить?..

Хотя не исключено, что когда-нибудь и споет, причем сразу в Большом театре. Отец нынешнего главного дирижера Большого Александр Ведерников — музыкальный крестный отец Яна. Намеки с его стороны уже были, в отношении партии Мельника или Фарлафа. Ян ответил: коли пригласят официально и заключат твердый контракт — он согласится.

...

Яну Осину 28 лет. Родился в Пскове. Жили настолько небогато, что долго в доме не было даже телевизора... Его заменяла церковь, где он пел мальчиком и продолжает петь до сих пор. Необычное, нерусское имя Яну дала мама, оно ей нравилось своей лаконичностью. У его собственных сына и дочери имена русские. Детей очень любит, если у кого-то из них день рождения — папа не поедет на гастроли, какие бы деньги не предлагали. Деньги ему нужны ровно в том количестве, чтобы семья была одета, обута и сыта.

Ян Осин уже объездил пол-Европы, но в больших столичных городах все еще новичок. Еще не утратил способности тушеваться и стесняться. Поэтому часто бывает угрюм и неразговорчив. Если ему кто-то не нравится, он, вместо того, чтобы сразу же послать подальше, как-то «деревенеет», мучается проблемой, что сказать да как ответить. Но если встретится человек хороший и открытый, Ян с ним прост и естествен во всех проявлениях.

Умеет удивляться. В Риге удивлялся на каждом шагу — улицам, домам, даже деревьям («ухаженные они тут у вас какие-то»). Но Россия ему все же милее, несмотря на неухоженность деревьев и прочего, Россию он ни на какую другую страну не променяет. Вот в церквях он себя чувствует хорошо в любой стране. Намного лучше, чем в ресторанах, куда после концертов влекут восхищенные спонсоры, которым нельзя отказывать. Как у человека церковного, в нем много естественного, а гордыни нет никакой.

Москва наверняка много ему даст. Там самородки получают надлежащую огранку, что придает им необходимый блеск. Хотя и лишает естественной природной красоты. Жаль, коли так случится.

Фото из архива Яны Осина